

УДК 327;81

DOI <https://doi.org/10.24919/2308-4863/35-2-4>**Оксана ЗАХАРОВА,***orcid.org/0000-0002-2143-7020**доктор исторических наук, профессор,
Национальная академия руководящих кадров культуры и искусств
(Киев, Украина) irinatamak67@ukr.net*

КУЛЬТУРА КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФАКТОР ДИПЛОМАТИИ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА В ЛОНДОНЕ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)

В статье рассматривается культурная дипломатия графа С. Р. Воронцова в Британии в конце XVIII – начале XIX вв.

В XVIII в. практически все дипломаты, аккредитованные в Лондоне, были личностями незаурядными, но, как утверждает профессор Кембриджского университета, член Британской академии наук, один из наиболее известных в Европе исследователей русско-английских отношений в XVIII в. Э. Г. Кросс, «самым замечательным» из русских послов по праву является граф Семен Романович Воронцов, который начал свою дипломатическую деятельность 27 мая (7 июня) 1785 г. в условиях обострения отношений между Российской и Британской империями. Одна из причин – политика «вооруженного нейтралитета», Декларацию о котором в 1780 г. поддержало большинство европейских государств.

С первых дней своего пребывания в Лондоне С. Р. Воронцов тщательно изучал не только английскую политическую систему, но и нравы, вкусы, увлечения представителей различных социальных слоев лондонского общества. Воронцов сумел заслужить уважение и установить дружеские отношения с представителями аристократических и научных кругов Лондона, что позволило Семену Романовичу получать новейшие научные издания, многие из которых регулярно отправлялись в Россию.

В Англии живопись находилась под особым покровительством королевской четы – благодаря Георгу III был основан Британский музей. Прославленный портретист Томас Лоуренс (1769–1830) создал портрет С. Р. Воронцова. Художник не захотел покинуть Англию для работы в России, в отличие от Р. Бромптона, Д. Хирна, Дж. Уокера, Дж. Аткинсона и Э. Майлса.

Петербург получал из Лондона не только библиографические редкости и произведения искусства, но также сведения о новейших достижениях в области сельского хозяйства и промышленности.

После отставки в 1806 г. С. Р. Воронцов остался в Англии, которая на долгие годы стала его вторым домом. Лондонское общество по достоинству оценило способности российского дипломата. Он был настолько уважаем, что удостоился звания почётного гражданина города Саутгемптона. После его смерти в 1832 г. лондонскую улицу, на которой он жил многие годы, переименовали из Мэнсфилд-стрит (Mansfield st.) в Воронцов-роуд (Woronzow road).

В истории европейской дипломатии С. Р. Воронцов занимает особое место. Своим примером он доказал, что открытая, честная позиция, подкреплённая глубокими знаниями, способна дать желаемые результаты при решении самых сложных внешнеполитических проблем.

Семён Романович стоял у истоков публичной дипломатии, одной из составляющих которой является культурная дипломатия. Развитие последней требует от человека глубокого знания социокультурной среды не только своего Отечества, но и того государства, где он аккредитован.

Ключевые слова: *внешняя политика, культурная дипломатия, социокультурная среда, наука, искусство.*

Оксана ЗАХАРОВА,*orcid.org/0000-0002-2143-7020**доктор історичних наук, професор,
Національна академія керівних кадрів культури і мистецтв
(Київ, Україна) irinatamak67@ukr.net*

КУЛЬТУРА ЯК КОМУНІКАТИВНИЙ ФАКТОР ДИПЛОМАТІЇ. ДІЯЛЬНІСТЬ ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА У ЛОНДОНІ (КІНЕЦЬ XVIII – ПОЧАТОК XIX СТ.)

У статті розглядається культурна дипломатія графа С. Р. Воронцова у Британії в кінці XVIII – на початку XIX ст.

У XVIII ст. практично всі дипломати, акредитовані в Лондоні, були непересіченими особистостями, але, як стверджує професор Кембриджського університету, член Британської академії наук, один із найбільш відомих у

Європі дослідників російсько-англійських відносин у XVIII ст. Є. Г. Крос, «найбільш чудовим» із російських послів по праву є граф Семен Романович Воронцов, який почав свою дипломатичну діяльність 27 травня (7 червня) 1785 р. за умов загострення відносин між Російською та Британською імперіями. Одна з причин – політика «збройного нейтралітету», Декларацію про який у 1780 р. підтримала більшість європейських держав.

Із перших днів свого перебування в Лондоні С. Р. Воронцов ретельно вивчав не лише англійську політичну систему, а й звичаї, смаки, захоплення представників різних соціальних верств лондонського суспільства. Воронцов зумів заслужити повагу і встановити дружні відносини і представниками аристократичних і наукових кіл Лондона, що дозволило Семену Романовичу отримувати новітні наукові видання, багато з яких регулярно відправлялися в Росію.

В Англії живопис перебував під особливою опікою королівської родини – завдяки Георгу III був заснований Британський музей. Видатний портретист Томас Лоуренс (1769–1830) створив портрет С. Р. Воронцова. Художник не захотів залишити Англію для роботи в Росії, на відміну від Р. Бромптона, Д. Хірна, Дж. Уокера, Дж. Аткинсона й Е. Майлса.

Петербург отримував з Лондона не тільки бібліографічні раритети та твори мистецтва, але й також відомості про новітні досягнення в галузі сільського господарства і промисловості.

Після відставки в 1806 р. С. Р. Воронцов залишився в Англії, яка на довгі роки стала його другою домівкою. Лондонське суспільство гідно оцінило здібності російського дипломата. Він був настільки шанований, що удостоївся звання почесного громадянина міста Саутгемптона. Після його смерті в 1832 р. лондонську вулицю, на якій він жив багато років, перейменували з Менсфілд-стріт (Mansfield st.) на Воронцов-роуд (Vorontsov road).

В історії європейської дипломатії С. Р. Воронцов займає особливе місце. Своїм прикладом він довів, що відкрита чесна позиція, підкріплена глибокими знаннями, здатна дати бажані результати у вирішенні зовнішньополітичних проблем.

Семен Романович стоїть біля витоків публічної дипломатії, однією зі складових частин якої є культурна дипломатія, що вимагає від людини глибокого знання соціокультурного середовища не тільки своєї Батьківщини, а й тієї держави, де вона акредитована.

Ключові слова: зовнішня політика, культурна дипломатія, соціокультурне середовище, наука, мистецтво.

Oksana ZAKHAROVA,
orcid.org/0000-0002-2143-7020
Doctor of Historical Sciences, Professor,
National Academy of Culture and Arts Management
(Kyiv, Ukraine) irinamak67@ukr.net

CULTURE AS A COMMUNICATIVE FACTOR OF DIPLOMACY S. R. VORONTSOV'S ACTIVITY IN LONDON (LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES)

The author researches the cultural diplomacy of Count SR Vorontsov in Britain in the late XVIII – early XIX centuries.

In the XVIII century, almost all diplomats accredited in London were remarkable individuals. But according to a professor at Cambridge University, a member of the British Academy of Sciences, one of Europe's most famous researchers of Russian-English relations in the XVIII century, E. G. Cross "the most remarkable" of the Russian ambassadors by right is Count Semyon Romanovich Vorontsov, who began his diplomatic career on May 27 (June 7), 1785 in the context of aggravated relations between Ukraine and the Russian and British empires. One of the reasons is the policy of "armed neutrality". It's Declaration of which in 1780 was supported by most European states.

From the first days of his stay in London, S. R. Vorontsov carefully studied not only the English political system, but also the customs, tastes, hobbies of representatives of various social strata of London society. Vorontsov was able to earn respect and establish friendly relations with representatives of aristocratic and scientific circles in London, which allowed Semyon Romanovich to receive the latest scientific publications, many of which were regularly sent to Russia.

In England, painting was under the special patronage of the royal couple – thanks to George III, the British Museum was founded. The famous portraitist Thomas Lawrence (1769–1830) created a portrait of S. R. Воронцова. The artist did not want to leave England to work in Russia, unlike R. Brompton, D. Hearn, J. Walker, J. Atkinson and E. Miles did.

St. Petersburg received from London not only bibliographic rarities and works of art, but also information about the latest advances in agriculture and industry.

After his resignation in 1806, Vorontsov remained in England. This city, became his second home for many years. London society appreciated the abilities of the Russian diplomat. He was so respected that he was awarded the title of honorary citizen of Southampton. London Street, where he lived for many years, was renamed from Mansfield Street (Mansfield st.) To Woronzow Road after his death in 1832. In the history of European diplomacy. S. R. Vorontsov has a special place. He shown that an open honest position, which has supported by deep knowledge, can give the desired results and solve the most daring foreign policy troubles.

Semyon Romanovich is at the origins of public diplomacy. One of the components of which is cultural diplomacy. The development of the last needs deep knowledge from people not only in the socio-cultural environment of his homeland, but also the country where they accredited.

Key words: foreign policy, cultural diplomacy, socio-cultural environment, science, art.

Постановка проблемы. Предмет исследования состоит в изучении культурной дипломатии графа Семёна Романовича Воронцова (1744–1832) в Британии в конце XVIII – начале XIX вв. История развития российско-британских культурных связей в XVIII в. изложена в монографии профессора Кембриджского университета, члена Британской академии наук Э. Г. Кросса. Отдельные страницы исследования (в главе «Русское посольство в Лондоне») посвящены С. Р. Воронцову (Кросс, 1996: 59). «Комиссионерская» деятельность С. Р. Воронцова изложена в монографии О. Ю. Захаровой, посвященной жизни и дипломатической деятельности российского дипломата (Захарова, 2013: 255).

Цель исследования – на примере российско-британских отношений в конце XVIII – начале XIX вв. показать, что культура является значимым коммуникативным фактором в области дипломатических отношений.

Изложение основного материала. К моменту назначения С. Р. Воронцова в Лондон на дипломатическую службу отношения между Российской и Британской империями были весьма непростыми (причинами были так называемый «вооруженный нейтралитет» 1780 г. и укрепление позиций России на Чёрном море). В 1780 г. русское правительство приняло Декларацию о вооруженном нейтралитете на морях, которую поддержало большинство европейских государств. В случаях нападения флота воюющей стороны на суда нейтральных стран те имели право вооруженной защиты. Таким образом, была сорвана попытка Англии организовать блокаду американского побережья, что объективно способствовало победе американской революции. С. Р. Воронцов был уверен, что система принесла России в области торговли значительные убытки, государство потеряло союзника.

В период правления Екатерины II интересы России в Лондоне представляли шесть посланников или послов: А. Р. Воронцов, Генрих Гросс, А. С. Мусин-Пушкин, И. Г. Чернышев, И. М. Симонин и С. Р. Воронцов.

В XVIII в. практически все дипломаты в Лондоне были личностями незаурядными, но при этом трудно не согласиться с профессором Кембриджского университета, членом Британской Академии наук, одним из наиболее известных в Европе исследователей русско-английских отношений в XVIII в. Э. Г. Кроссом, что «самым замечательным» из русских послов по праву является граф С. Р. Воронцов (Кросс, 1996: 59).

27 мая (7 июля) 1785 г. граф Семен Романович Воронцов прибыл в Лондон, а 6 июля (17 июля)

был «учтиво и ласково» принят лордом Кармартемом, которому вручил перевод верительной грамоты. Новый русский посол поселился в доме своего предшественника на Харли-стрит, 36.

Дом дипломатического агента был свободен от воинского постоя и пользовался неприкосновенностью. Ни одно должностное лицо не имело право войти в него, если того не желали хозяйка. Иностранное правительство обязано было защищать жилище дипломата от оскорблений со стороны частных лиц и нападений толпы (право неприкосновенности жилища было общепризнанным в европейских государствах) и оно охраняло тайну посольских архивов. Правом убежища посольский дом не пользовался.

С первых дней своего пребывания в Лондоне С. Р. Воронцов тщательно изучал не только английскую политическую систему, но и нравы, вкусы, увлечения представителей различных социальных слоев лондонского общества.

В августе 1786 г. в ответ на просьбу Петербурга найти для службы в России способного шифровальщика Семён Романович сообщал, что в Лондоне трудно разыскать талантливого математика, к тому же хорошо знающего французский язык, потому что здесь «все занимаются <...> Парламентом, торговлею, мануфактурами и весельями» (Воронцов, 1786: 469). Математики, конечно же, есть, писал он, и весьма способные, но в большинстве своем это состоятельные английские аристократы, для которых алгебра – забава, а потому они ни за что не покинут своего отечества. Искать специалистов, по его мнению, нужно в Кембридже или Эдинбурге. Помощники Воронцова выбирали для службы в России «лучших из лучших». Официальной версией потребности поиска математика была необходимость найти для великих князей талантливого преподавателя-«алгебраиста» (Воронцов, 1786: 470).

Когда же наш посланник начал хлопотать в Англии о приглашении «искусных алгебраистов», из Оксфорда сообщили, что там «дивятся», каким образом в России «имея у себя Фусса, Суворова и Никитина, ещё ищут четвёртого алгебраиста; и при сем случае, восхваляя весьма первого, как уже известного во всём учёном свете, весьма похваляют тоже господ Никитина и Суворова, кои в Оксфорде меж искусными математиками и алгебраистами почитались», в особенности последний. На самом же деле «алгебраист» понадобился не только для научных целей, но и для составления шифров.

В то время в высшем английском обществе мода (в самом хорошем смысле этого слова) на

занятия науками была столь популярна, что для получения новейших изданий следовало лично знакомиться с автором.

С. Р. Воронцов сумел заслужить уважение и установить дружеские отношения с представителями аристократических и научных кругов Лондона, и здесь немаловажную роль сыграли давние связи Семена Романовича, которые сохранились ещё со времён его заграничных путешествий из службы в Венеции. Одним из тех, кто ввёл русского посланника в высшее английское общество, был известный математик, хранитель Шотландской печати, любимец короля и двора господин Мекензи, с которым Воронцов часто выезжал в свет. Именно благодаря дружбе с ним Семён Романович сумел отправить в Петербург специально для императрицы уникальную книгу по ботанике лорда Бюта (родного брата Мекензи), написанную им для королевы и напечатанную в количестве 12 экземпляров.

Английские аристократы-учёные, в их числе и лорд Бют, не нуждались в материальном вознаграждении за свой труд, им гораздо больше льстило письмо от русской императрицы, «изъявляющее удовольствие Государыни с некоторыми лестными выражениями к сочинителю». Подобного внимания желал удостоиться и господин Мартен, который попросил С. Р. Воронцова отправить в дар императрице, великому князю и Академии наук свои книги с гравюрами раковин Тихого океана.

Одновременно с ними Семен Романович передал для императрицы и светлейшего князя труды шотландского учёного лорда Момбодена, получившего в свое время от Потёмкина «некие греческие книги». Труды лордов Бюта и Момбодена, а также господина Мартена были отосланы в Петербург вместе с описанием уникального микроскопа и коллекцией камней.

С. Р. Воронцов регулярно отправлял в Россию новейшую научную литературу. При этом он мог критично отозваться о некоторых английских достижениях, позволяя себе весьма едкие замечания. Так, высоко оценивая труд английского доктора Блейна, посвященного морским болезням, он писал Безбородко, что книга заслуживает внимания, так как полезна для российского флота, но здесь же замечал, что доктор, подписывая книгу Екатерине II, «вымарал» в ней один лист. «Сие доказывает, что англичане хотя много знают, однако не знают ещё некоторых придворных благопристойностей» (Воронцов, к. XVIII в: 6–6 об.)

Будучи в общении доступными и любезными, Воронцовы при этом никогда не забывали о своем

аристократическом происхождении. В 1799 г. дипломат писал обер-камергеру графу Н. П. Шереметеву, что не может вести переговоры с актерами в Лондоне о приезде их в Россию: «Я уклоняюсь от поручения, которое столь выше моих способностей, чтобы его хорошо исполнить, и столь ниже моего образа мыслей» (Воронцов, 1897: 124). Этим ответом С. Р. Воронцов дал понять, сколь неуместна такая просьба. В повторном послании Шереметев заметил, что за бесчинства актеров отвечает полиция. Они презираемы за свое ремесло, но уважаемы за добрые человеческие качества: «Мы признаем в этих людях только способности, проявляемые на театре, и свойства, которые они выказывают в наших передних». Далее он пояснил, что «написал, побуждаемый близкими отношениями, бывшими между вашим братом и мною» (Воронцов, 1897: 186). Брата С. Р. Воронцова А. Р. Воронцова и Н. П. Шереметева в разные периоды их жизни сближало служение искусству. Театры Шереметева в Кускове (а затем в Останкине) и Воронцова в имении Андреевском по праву считались одними из лучших в России. Не следует думать, что граф С. Р. Воронцов не разделял увлечения брата театром.

В одном из писем к нему (1795 г.) Семен Романович Воронцов благодарил «нашего» доброго друга господина де Лафэрмьера (секретаря и библиотекаря Марии Федоровны) за его письмо с изображениями элементов декорации театров графа Шереметева, князя Волконского и графа А. Р. Воронцова. Одновременно он отмечал, что «актеры этих театров превзошли его замысел и сделали это прекрасно» (Воронцов, 1795: 336).

Если для его брата главным увлечениями были литература и театр, то можно утверждать, что С. Р. Воронцов предпочитал живопись. Свое увлечение он передал сыну. Дворец генерал-губернатора графа М. С. Воронцова в Одессе украшали произведения Ван дер Неера, Ватто, Боровиковского, Воробьева, Орловского, Рокотова, Лампи, Солименко, Свебаха, Тревизани, Миньяра, Нойгасса и других мастеров. Туда же из Англии был перевезен в Одесский дворец портрет С. Р. Воронцова кисти Ричарда Эванса 1828 г.

Знаменитый Т. Лоуренс портретировал М. С. Воронцова, чей портрет (как и портрет герцога А. Веллингтона) находился в рабочем кабинете Одесского дворца графа. Выдающийся британский полководец, назвавший М. С. Воронцова «звездой России», был посаженным отцом невесты на его свадьбе в Париже в 1819 г. Бронзовая фигура герцога украшала камин, над которым был портрет супруги генерал-губернатора графини

Е. К. Воронцовой работы Дж. Хейтера. В свое время художника приглашали поработать в России, но он не захотел покинуть Англию, в отличие от других менее известных собратьев – Р. Бромптона, Д. Хирна, Дж. Уокера, Дж. Аткинсона и Э. Майлса. В середине 1780-х гг. XVIII в. английская живопись в Эрмитаже была представлена слабо. После того, как на это обратил внимание императрицы друг и покровитель другого британского художника, Д. Рейнольдса, лорд Кэрисфорт, Екатерина II решила заказать живописцу картину с сюжетом по его выбору. В 1789 г. Рейнольдс прислал в Россию два полотна – «Младенец Геракл, удушающий змей» и «Змея в траве» (последнее написано для Г. Потёмкина). С. Р. Воронцов был также поклонником английской архитектуры, в частности, он восхищался одним из лучших творений Томаса Харрисона (1744–1829) – ансамблем Честерского замка и рекомендовал архитектора М. С. Воронцову для возведения своих дворцов. По мнению целого ряда исследователей, Томас Харрисон был автором первоначальных проектов воронцовских дворцов в Одессе и Алушке, которые оказали значительное влияние на работу Франца Боффо в Одессе и на проект Алушкинского дворца Эдуарда Блора.

Петербург получал из Лондона не только библиографические редкости и произведение искусства. Россию интересовали также достижения Англии в области сельского хозяйства. В 1797 г. С. Р. Воронцов отправил Ф. Р. Ростопчину письмо с проектом обучения ветеринаров (Воронцов, 1797: 525).

К тому времени Фёдор Васильевич решил завести в Воронове под Москвой образцовое хозяйство, желая применить в нём все новое и полезное, что известно в Европе. Он в 1802 г. написал С. Р. Воронцову: «Много занимаясь земледелием и помышляя не о своих только барышах, я имею надобность в смышленном англичанине, которого бы смог сделать главноуправляющим в этом имении. Англичане превзошли всех в умении улучшать земли и собирать обильные урожаи. Мне бы хотелось иметь умного фермера, опытного в произращении зернового хлеба и овощей и который умел завести севооборот, сообразный со свойствами почвы; а жена его заведовала бы фермой, коровами, маслом и пр. Я дам нужное ему жалованье, содержание и через три года, когда все будет заведено, шестую долю урожая как с полей, так из фермы. Я был бы очень доволен получить такого фермера, какой у графа Николая Румянцева: он уже творит чудеса у него в подмосковной. На этих днях жду к себе из Берлина профессора ветеринар-

ной школы, он должен её устроить здесь» (Ростопчин, 1887: 179). Возможно, в письме Ростопчина речь идет о знаменитом румянцевском агрономе Роджере, которому сельское хозяйство обязано изобретением особого плуга и который управлял фермой в имении графа – Троицкое-Кайнарджи. Скорее всего, не без помощи С. Р. Воронцова из Англии приехали в Вороново специалист Петерсон и несколько агрономов-механиков.

Для ведения образцового прибыльного хозяйства нужно было разводить особые породы скота. И вновь Ростопчин пишет письмо в Лондон, просит помочь купить и переправить в Россию овец и баранов английской породы, а так как в Англии это было запрещено, причём под страхом смертной казни, то предлагался план их вывоза: «Вам будет очень легко приобрести их на ваше имя, желаю не более 120 овец и баранов. Их находящихся у меня на службе шотландцев один отлично опытен в уходе за скотом, и я мог бы, мешая новую породу с породой шведскою, которой у меня свыше ста голов, получить через несколько лет отличный приплод как относительно шерсти, так и внешней красоты. Можно было бы их переслать с открытием судоходства в Петербург, а оттуда я перевёз бы их сюда на подводках» (Ростопчин, 1887: 177–178).

К 1798 г. С. Р. Воронцов сделал всё, чтобы добиться разрешения английского правительства на вывоз «тамошних баранов». Из письма князя А. Б. Куракина он узнал, что в Тавриде организован «завод Испанских овец», и для него необходимы бараны из Англии как «привыкшие к холодному климату». Используя связи в аристократических английских кругах, Воронцов добился, чтобы проект, разрешающий вывоз баранов в Россию, был вынесен на обсуждение парламента. После дебатов он получил одобрение. В том же году Семён Романович способствовал отправке из Англии «собрания ботанических растений», сделанного ботаником Фрезером по приказу императора (Захарова, 2013: 112).

Ввиду строжайшего запрета вывоза из Англии целого ряда машин и инструментов Воронцов просил Безбородко выслать в Лондон дополнительные шифры для «именования оных инструментов, кои на нашем языке изображены быть не могут». Он объяснял эту просьбу тем, что имеет возможность отправлять необходимые для Адмиралтейства механизмы, но в Лондоне об этом не должно быть известно. Для получения секретным образом новейших механизмов посольство попросило Петербург передать в Лондон от 200 до 500 фунтов стерлингов. Одновременно пред-

лагалось письма по этому вопросу отправлять не почтой, а только с курьером (Захарова, 2013: 113).

В конце апреля – начале мая 1799 г. Петербург получил из Лондона записку о фабричном производстве в Англии. В частности, в ней говорилось, что в Манчестере «бумажные материалы отпечатываются вновь изобретенным цилиндром, на котором вырезаны цветы и другие фигуры» (Захарова, 2013: 113). Получая информацию о развитии английской промышленности, Воронцов был обеспокоен состоянием дел на российских фабриках. Он считал, что русское правительство нарушает интересы отечественного производства и неправильно действует в отношении иностранных мастеров. В одном из писем барону Васильеву (в январе 1800 г.) Семен Романович выступал, по его словам, не как министр российский в Англии, а как «усердный и верный сын Отечества». Он считал, что за невыполнение долга следует наказывать фабрикантов и членов Мануфактурколлегии, но, наказывая пять или шесть виновных, мы наносим вред мануфактурам целого государства. Нельзя отбирать пропитание у нескольких сот работников, так как разорятся и виноватые, и безвинные.

Посол внимательно следил за социальной и экономической обстановкой в России. В своих письмах к Безбородко он не только сообщал о развитии русско-английских отношений, но и анализировал финансовую ситуацию в Отечестве. Его, к примеру, беспокоило, что в некоторых губерниях Российской империи смертность превышает рождаемость, наблюдается понижение доходов от винного производства, он предлагал «умножение ассигнаций» и т. д. (Воронцов, к. XVIII в: 506–507).

С. Р. Воронцов умел самостоятельно мыслить и обладал независимым характером. Подобные качества в Петербурге не всем приходились по нраву. «На тебя сердятся, – писал в одном из писем Семёну Романовичу П. В. Завадовский, – однако же слышу, примечают, что ты здесь учить хочешь» (Завадовский, к. XVIII в: 91).

Когда в 1792 г. англичане разрешили отправить в Китай особую дипломатическую экспедицию, Семён Романович стал настаивать на отправке туда русской экстренной миссии. Он давал советы, какие подарки везти китайцам и кого назначить главою экспедиции. «Я ведь знаю, – толковал он брату Александру, – что у нас обыкновенно выбирают людей вовсе не с тем, чтобы ими двигать дело, а затем, чтобы двигать их самих, под вывескою дела». С. Р. Воронцов предлагал, например, включить в состав экспедиции А. Н. Радищева,

сосланного в Сибирь за его книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», чтобы дать возможность проявить себя талантливому человеку. «Осуждение бедного Радищева безмерно огорчает меня. Какой приговор за неосторожную выходку и какое скудное облегчение приговора. Что же после этого оставалось бы сделать за преступление действительное и за явный бунт? Десятилетия ссылки в Сибирь хуже смерти для человека, имеющего детей, которых он вынужден или покинуть, или, взявши с собою, лишит воспитания и будущности. Эта мысль наводит ужас» (Рябинин, 1879: 499). Для самого Радищева и его семьи спасением стала дружба с А. Р. Воронцовым. Александр Романович способствовал смягчению приговора и отмене смертной казни, материально поддерживал писателя в годы ссылки, определил его сына в кадетский корпус, а дочерей – в Институт благородных девиц.

Воронцовы честно служили Екатерине Великой, потому что не могли бесчестно служить России. Но женщинам мало одного уважения, им нужно преклонение; великим женщинам оно необходимо вдвойне, а Воронцовы служили во благо и славу Отечества, не лебезя и не лукавя.

Позже Семен Романович напишет в автобиографии: «Могу заверить Вас честью, что я не огорчен жалким положением, в которое приведено мое семейство. Оно без всякой своей вины пало с высоты, на которой находилось при императрице Елизавете и в продолжении слишком кратковременного царствования Петра III. Это произошло вследствие несчастий, которых оно не навлекло себе, и, следовательно, ни мне, ни моим детям, ни потомству их не придется краснеть. И лишь бы сын мой и дочь моя были благовоспитанны и честны (чего я надеюсь достигнуть, благодаря их добрым наклонностям и доброму нраву); это будет наилучшим наследством, какое я могу им оставить. Я видел очень богатых людей, всеми призираемых и не способных на какую-либо государственную службу. Я надеюсь, что этого не будет с моим сыном» (Воронцов, 1876: 57).

Выводы. После отставки в 1806 г. С. Р. Воронцов остался в Англии, которая на долгие годы стала его вторым домом. Лондонское общество по достоинству оценило способности русского дипломата. Он был настолько уважаем, что удостоился звания почётного гражданина города Саутгемптона. После его смерти в 1832 г. лондонскую улицу, на которой он жил многие годы, переименовали из Мэнсфилд-стрит (Mainsfield st.) в Воронцов-роуд (Woronzow road).

В истории европейской дипломатии С. Р. Воронцов занимает особое место. Своим примером он доказал, что открытая честная позиция, подкреплённая глубокими знаниями, способна дать желаемые результаты при решении самых смелых внешнеполитических проблем.

Семён Романович стоял у истоков публичной дипломатии, одной из составляющих которой является культурная дипломатия. Развитие последней требует от человека глубокого знания социокультурной среды не только своего отечества, но и того государства, где он аккредитован.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. Русский архив, 1876. С. 57.
2. Воронцов С. Р. Письмо А. А. Безбородко. к. XVIII в. Лондон. Архив внешней политики Российской империи МИД России. Ф. 36. Оп. 1. Д. 409. Л.6-6 об.
3. Воронцов С. Р. Письмо А. А. Безбородко. к. XVIII в. Лондон. Архив князя Воронцова. Кн. 9. С. 506–507.
4. Воронцов С. Р. Письмо А. Р. Воронцову. 1795. Лондон. Архив князя Воронцова. Кн. 9. С. 336.
5. Воронцов С. Р. Письмо Н. П. Шереметеву. Лондон. Русский архив. 1897. Кн. 2. С. 124, 186.
6. Воронцов С. Р. Письмо Ф. В. Ростопчину. 1797. Лондон. АВПРИ МИД России. Ф. 36. Оп. 1. Д. 525
7. Воронцов С. Р. Послание в Санкт-Петербург. 1786. Лондон. Архив князя Воронцова. Кн. 9. С. 469, 470.
8. Завадовский П. В. Письмо С. Р. Воронцову. к. XVIII в. Лондон. Архив князя Воронцова. Кн. 20. С. 91.
9. Захарова О. Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С. Р. Воронцова. Москва, 2013. С. 255, 113, 112.
10. Кросс Э. Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. Санкт-Петербург, 1996. С. 59.
11. Рябинин Д. Д. Граф Семен Романович Воронцов. Русский архив, 1879. С. 99.

REFERENCES

1. Avtobiografiya grafa Semena Romanovicha Vorontsova [Autobiography of Count Semyon Romanovich Vorontsov]. Russian Archive 1876. 57. [in Russian].
2. Vorontsov S. R. (k. XVIII v.). Pismo A. A. Bezborodko. [Letter to A.A. Bezborodko]. Archive of the foreign policy of the Russian Empire of the Russian Foreign Ministry. London. F. 36. Op. 1. S. 409. S. 6–6 ob. [in Russian].
3. Vorontsov S. R. (k. XVIII v.). Pismo A. A. Bezborodko. [Letter to A. A. Bezborodko]. Archive of Prince Vorontsov. London. Book 9.506–507. [in Russian].
4. Vorontsov S. R. (1795). Pis'mo A. R. Vorontsovu. [Letter to A. R. Vorontsov]. Archive of Prince Vorontsv. London. Book 9.336. [in Russian].
5. Vorontsov S. R. (1897). Pis'mo N. P. Sheremetevu. [Letter to N. P. Sheremetev]. Russian archive. London. Book 2. 124, 186. [in Russian].
6. Vorontsov S. R. (1797). Pis'mo F. V. Rostopchinu. [Letter to F. V. Rostopchin]. AVPRI MFA of Russia. London. F. 36. Op. 1. D. 525. [in Russian].
7. Vorontsov S. R. (1786). Poslaniye v Sankt- Peterburg. [Message to St. Petersburg]. Archive of Prince Vorontsov. London. Book 9. 469, 470. [in Russian].
8. Zavadovskiy P. V. (k. XVIII v.). Pis'mo S. R. Vorontsovu. [Letter to S. R. Vorontsov]. Archive of Prince Vorontsov. London. B. 20. 91. [in Russian].
9. Zakharova O. Y. (2013). Zhizn' i diplomaticheskaya deyatel'nost' grafa S. R. Vorontsova. [Life and diplomatic activities of Count S. R. Vorontsov]. Moscow. 255, 113, 112. [in Russian].
10. Kross E. G. (1879). U Temzskikh beregov. Rossiyanе v Britanii v XVIII veke. [Near the Thames. Russians in Britain in the 18th century]. SPB. 59. [in Russian].
11. Ryabikin D. D. (1879). Graf Semen Romanovich Vorontsov. [Count Semyon Romanovich Vorontsov]. Russian archive. 1879. 99. [in Russian].